

УДК 303

Киреев А.А.
Kireev A.A.**Функции казачества в общественной системе России
(на примере дальневосточного региона)****Functions of the Cossacks in the social system of Russia
(on the example of the Far East region)**

Фундаментальное значение с точки зрения происходящего в настоящее время процесса возрождения казачества имеют проблемы определения его общественного статуса и основных направлений деятельности. В представленном очерке данные проблемы анализируются с помощью принципов и понятий структурно-функциональной разновидности системного подхода. Автор выделяет основные периоды в эволюции системного статуса и функций казачества относительно общественной системы России. На этой основе в работе выявляются особенности функциональной истории казаков дальневосточного региона и намечаются некоторые перспективы нахождения ими своего места в структуре современного российского общества.

Ключевые слова: казачество, возрождение казачества, системный подход, общественная система России, структурно-функциональный анализ

Problems of defining the social status and the main activities of the Cossacks have fundamental importance in terms of the ongoing process of their revival. In the present study these problems are analyzed using the principles and concepts of structural and functional approach. The author distinguishes the main periods in the evolution of the system status and functions of the Cossacks with respect to the social system of Russia. On this basis, the work reveals the peculiarities of functional history of the Far Eastern Cossacks and outlines some prospects of finding their place in the structure of modern Russian society.

Key words: Cossacks, revival of the Cossacks, systems approach, the social system of Russia, structural and functional analysis

В апреле 2015 г. Законодательным собранием Приморского края был принят краевой закон о развитии казачества [3]. Принятие этого и подобных ему законов в других субъектах РФ на протяжении нескольких последних лет сопровождалось многими дискуссиями с участием не только депутатского корпуса, но и более широких кругов «политического класса» и общественности. Эти дискуссии являются, в свою очередь, лишь эпизодом в долгих спорах об общественной роли и перспективах российского казачества, которые с большей или меньшей интенсивностью продолжаются уже четверть века [например: 5].

Независимо от конкретной повестки, центральное место в этих спорах занимают вопросы о статусе (как формально-правовом, так и более широком общественном) и об основных направлениях деятельности казачества. При этом следует отметить, что в своей прямой постановке

данные вопросы звучат совсем не часто. Однако, в каком бы ракурсе и в какой бы сфере не обсуждалось современное казачество в России, в конечном счёте, это обсуждение вращается вокруг них. То, что во многих случаях центральность этих вопросов остаётся в тени и участники общественно-политических дискуссий вновь и вновь тратят время и силы (а иногда и государственные средства) на решение разного рода вторичных, производных от них проблем, по меньшей мере, отчасти можно вменить в «заслугу» учёным. Именно с их стороны следовало бы ожидать достаточно обобщённого, не искажённого текущими практическими нуждами, сущностного взгляда на обсуждаемое явление.

Одним из научных средств наиболее обобщённого, концептуального моделирования явлений является системный подход. В этой работе, опираясь на принципы системного подхода (а точнее, его структурно-функциональной разновидности), я представлю краткий анализ названных выше, центральных для современного российского казачества, вопросов.

Перед тем как приступить к анализу, вопросы об общественном статусе и основных направлениях деятельности казачества необходимо перевести на более абстрактный и ёмкий понятийный язык теории систем. В обоих случаях важнейшее значение для перевода будет иметь такое понятие, как функция. Под функцией в работе будет пониматься устойчивая и конституирующая связь (взаимодействие) данного социального объекта (социальной общности) с вмещающей системой, общественной или природной.

Используя понятие «функция», вопрос об общественном статусе российского казачества можно сформулировать следующим образом: существует ли устойчивое и общее функциональное взаимодействие, связывающее казачество с российским обществом (общественной системой России)? Этот вопрос предполагает три возможных варианта ответа: 1) устойчивое взаимодействие казачества с российским обществом отсутствует (в этом случае казачество следует рассматривать как особую самодостаточную общественную систему, не являющуюся частью российского общества (государства); 2) устойчивое и общее взаимодействие казачества с российским обществом существует (в этом случае казачество должно рассматриваться как особая подсистема, специализированный функциональный компонент российского общества); 3) устойчивое взаимодействие казачества с российским обществом существует, но не является общим (такой ответ на вопрос указывает, что, находясь в составе российского общества, казачество не образует в нём особой целостной подсистемы, но представляет собой лишь номинальную, функционально разделённую общность).

Установление факта существования устойчивого и общего функционального взаимодействия казачества с российским обществом позволяет перейти к более подробному анализу этого взаимодействия. Применяя то же понятие «функция» к вопросу об основных направлениях деятельности казачества, ему можно дать следующую формулировку: каково содержание основной и вторичных функций казачества в российской общественной системе? Речь идёт, прежде всего, о содержании, специфических особенностях тех главных благ (ресурсов, услуг), которые казачество как подсистема создаёт для общественной системы в целом, и тех, которые оно, в свою очередь, от этой вмещающей системы (т.е. других её подсистем) получает в процессе взаимодействия. Очевидно, что определение конкретных благ, составляющих содержание функционального обмена между казачеством и российским обществом, будет зависеть от нашего представления о структуре данного общества (как основе классификации благ) и степени детальности самого анализа. В дальнейшем

предварительном и абстрактном анализе, я буду исходить из того, что структура российской (как и любой другой) общественной системы состоит из четырёх важнейших форм отношений (функциональных взаимодействий), каждой из которых соответствует свой тип общественных благ: 1) военно-политическая (блага безопасности, т.е. услуги защиты и управления); 2) экономическая (материальные блага); 3) социально-демографическая (человек как благо (человеческий капитал)); 4) культурная (духовные блага, объективированные культурные ценности).

И казачество, и российская общественная система – это явления, которые характеризуются значительной временной и пространственной протяжённостью, исторической и региональной гетерогенностью. Эта историческая и региональная разнородность не может быть вынесена за скобки при анализе как прошлых, так и современных функций казачества. Адекватный функциональный анализ социальных явлений, подверженных развитию и адаптации, возможен только в сравнительно-исторической и сравнительно-географической перспективах. Поэтому, прежде чем обратиться к рассмотрению находящегося в фокусе данной статьи современного дальневосточного казачества, необходимо кратко остановиться на исторической периодизации и региональной дифференциации российского казачества в целом.

Историю российского казачества можно разделить на четыре основных периода: 1) середина XV в. – 1720-е гг.; 2) 1720-е – 1920-е гг.; 3) 1920-е – 1980-е гг.; 4) 1990-е гг. – настоящее время.

В первый период, – время зарождения российского казачества как социальной общности, – наметилось два пути его возможного развития относительно общественной системы России. При этом исходной основой формирования казачества и отправным пунктом для обеих траекторий его эволюции явилось население обширных районов тогдашнего южного и юго-восточного лесостепного пограничья русских земель. Население этой широкой полосы между плотно земледельчески освоенной частью Русской равнины и «Диким полем» имело сложный состав, включавший маргинализованные элементы, оторвавшиеся по тем или иным причинам от различных социальных групп, как российского социума, так и тюркских обществ Причерноморья и Поволжья.

Одним из путей упорядочения и консолидации этой пёстрой и динамичной социальной среды стало образование в ней такой протосословной группы, как «городовое и станичное казачество». Выступая особой прослойкой «служилых людей по прибору», к середине XVII в. городовое и станичное казачество было уже достаточно прочно интегрировано государством в российское общество, хотя и к этому времени его правовой статус не обладал ни чёткими отличиями, ни внутренним единством. С определённой уверенностью можно утверждать лишь то, что эта группа не принадлежала ни к феодальному классу, ни к крепостным крестьянам, и имела своей основной функцией (в форме государственной службы) защиту и охрану государственных границ («засечных черт»), получая за выполнение этой обязанности хлебное, денежное, а иногда и земельное жалование от казны [10, с. 190-193, 201-202].

Другой путь развития казачества в этот период был связан с миграцией пограничного населения в степь, где уже во второй половине XVI в. сложились, достигнув значительной численности (до нескольких тысяч человек каждое) и высокой степени сплочённости, сообщества «вольных казаков» – донское, терское и яицкое. В процессе адаптации к степным ландшафтам и сложному полиэтническому и поликонфессиональному окружению, ко второй половине XVII в. они приобрели своеобразную внутреннюю структуру и культурный облик, особое самосознание, что даёт основание рассматривать их с этого времени в качестве субэтниче-

ских общностей. При благоприятных условиях эта траектория развития вполне могла привести к трансформации сообществ вольных казаков в обособленные этносы, самодостаточные общественные системы, самостоятельно выполняющие весь комплекс необходимых для своего существования военно-политических, экономических, социально-демографических и культурных функций. Однако в той же второй половине XVII в., по целому ряду причин, донское, терское и яицкое казачество начинают сближаться (как социально, так и географически) с российским обществом, постепенно утрачивая достигнутый ранее уровень системной автономии [7, с. 104-106; 13, с. 214-215].

Главной особенностью второго периода (1720-е – 1920-е гг.) была конвергенция двух путей развития российского казачества и обретение им относительно единого общественного статуса. Петровские реформы, рационализировавшие и унифицировавшие структуру российского общества, сделали решительный шаг в направлении формирования из разнородной группы служилых городских и станичных казаков и бывших вольных сообществ целостного казачьего сословия. Впрочем, для достаточно полного правового и институционального оформления данного сословия потребовалось длительное время: начатый Петром I процесс был завершён лишь в 1830-е гг. [9, с. 452-453; 13, с. 214]. Так или иначе, на протяжении этого периода казачество было прочно инкорпорировано в российское общество, став особой подсистемой в его составе, связанной с государственными институтами России (а через них и другими подсистемами общества) общим и устойчивым функциональным взаимодействием в форме обмена услуг (службы) на материальное вознаграждение (в виде сословных прав и привилегий в сфере земле- и природопользования).

Основное содержание исходящего функционирования казачьего сословия в этот период составляла военная служба. С 1721 по 1917 гг. казачьи общины (позднее, казачьи войска) находились в подчинении военного ведомства¹. При этом, в отличие от также исполнявшего (до 1760-х гг.) военные (и гражданские) служебные обязанности дворянства, военная служба казачества была специализирована, прежде всего, на комплексе видов деятельности по защите, охране и контролю обширных и притом ещё очень подвижных границ империи. Вокруг этой пограничной, в самом широком смысле, службы строилась повседневная жизнь казачества, формировались и структурировались все остальные его вспомогательные и вторичные функции. Как сословная подсистема российского общества, с 1830-х гг. получившая высокую степень закрытости, казачество в целях обеспечения нужд службы (которая, помимо военной деятельности, включала в себя различные административно-полицейские и хозяйственные вневойсковые обязанности и повинности) автономно выполняло целый ряд экономических (земледелие, промыслы, торговля), социальных (создание учебных и иных социальных учреждений) и культурных (содержание церковной инфраструктуры) функций.

Со временем, по мере дифференциации и усложнения российского общества, отношения взаимодополнительности между основной и вспомогательными (внутренними) функциями казачества замещались их взаимной противоречивостью и даже прямым конфликтом. Особенно острый функциональный конфликт со второй половины XIX в. назрел между пограничной и иными видами военной службы казачества и его сельскохозяйственной, прежде всего, земледельческой, деятельностью. К этому времени они стали очевидными препятствиями для объективно необходимой дальнейшей специализации и профессионализации, и, в

¹ Сначала Военной коллегии, а затем ее институциональных преемников

конечном счёте, качественного повышения эффективности друг друга, что ставило всё большее число казаков перед дилеммой выбора своего места в обществе, рационально разрешить которую в условиях сохранения сословного статуса было невозможно [7, с. 106-109; 13, с. 214-217].

Говоря о периоде 1720-х – 1920-х гг., необходимо подчеркнуть, что единство общественного статуса российского казачества в это время не следует преувеличивать. Во-первых, институционально-правовая унификация сословия была направлена, прежде всего, на казачьи войска¹, и только отчасти затронула казачьи общины отдалённых от сухопутных границ империи регионов Сибири и Дальнего Востока, оказавшиеся за пределами войсковых организаций. Эта внутренне разнородная часть казачества, оставшаяся в подчинении местных гражданских властей, имела некоторые статусные и функциональные особенности. Во-вторых, консолидация сословия не стёрла значительных региональных и социальных различий внутри самого военно-служилого казачества. Важнейший водораздел в данном аспекте пролегал между т.н. «старыми» и «новыми» казачьими войсками. «Старые» войска (Донское, Терское, Уральское), несмотря на сильное влияние сословной политики правительства, в высокой степени сохранили историческую преемственность с общинами вольных казаков. Соединяя и взаимно усиливая в своей структуре субэтнические и сословные черты, они в целом обеспечили себе относительно более высокий уровень субсистемной автономии. «Новые» войска, расположенные в основном в Азиатской России и созданные путём «сверху», в результате смешивания переселенцев из «старых» войск с неказачьим (прежде всего, крестьянским и, отчасти, инородческим) населением, отличались обычно значительно меньшей внутренней целостностью и самодостаточностью.

Период с 1920-х по 1980-е гг. ознаменовался крутым поворотом в истории российского казачества, обусловленным кардинальными изменениями в социальном и политическом устройстве России. В начале 1920-х гг. в рамках масштабного реструктурирования общественной системы особые правовые и институциональные формы жизни казачества, определявшие сословный характер этой общности, были ликвидированы. Тем самым были созданы условия для разворачивания процесса расказачивания, т.е. разрушения самой казачьей общности, как на общероссийском уровне, так и в её локальных вариантах, массовому переходу её представителей в состав социально-профессиональных групп крестьянства, рабочих и служащих. Расказачивание представляло собой сложный процесс, основанный как на стихийном стремлении многих казаков к отказу от обязанностей и ограничений (но, как правило, не от льгот), сопряжённых с прежним сословным статусом, так и на целенаправленной политике советского государства, которая в некоторых районах страны принимала форму прямых репрессий. Главным результатом расказачивания было практическое исчезновение к концу этого периода (под действием добровольных и принудительных миграций) большинства компактных территориальных казачьих сообществ, размывание в значительной степени образа жизни и самосознания казачества. Вместе с тем, в различных районах СССР соотношение в данном процессе стихийного (объективного) и политически инспирированного компонентов было неодинаковым, что отражало в т.ч. сложившуюся ранее неоднородность самого российского казачества. Так или иначе, в советский период казачество утратило положение особой подсистемы общества, специфику своей функциональной роли в нём, сохранив, однако, память о них на уровне индивидов, семей и малых групп.

¹ К началу XX в. их насчитывалось 11 [9, с. 453].

Начало на рубеже 1980-х – 1990-х гг. современного периода в истории российского казачества было связано с очередными фундаментальными преобразованиями в структуре общественной системы страны. В условиях демократизации и политической активизации различных социальных сил, на юге Европейской России, а затем и в других регионах возникло движение за возрождение казачества. Зародившись в районах бывших старых казачьих войск, это движение было нацелено первоначально на воссоздание единства и своеобразия российского казачества, основой которых участники движения чаще всего считали этническую (субэтническую) идентичность¹ казаков [6, с. 103]. Однако уже во второй половине 1990-х гг., в т.ч. под влиянием сделанных федеральной властью законодательных шагов в направлении мобилизации и институализации казачьего движения, задачи консолидации и обособления казачества в структуре российского общества во многом потеряли для него актуальность. Их место стал занимать поиск казаками оптимальных форм взаимодействия с государством, устраивающих обе стороны. Обсуждение этой проблемы вновь обнаружило (особенно в районах бывших новых казачьих войск) внутреннюю неоднородность российского казачества, с конца 1990-х гг. разделившегося на сторонников государственного реестра и «общественников». Если первые стремились к интеграции казачества в систему государственных ведомств на правах особой силовой структуры (несущей военную, пограничную, правоохранительную и иную службу), то вторые выступали за более гибкие договорные формы сотрудничества с государством, предполагающие сохранение казачьими организациями широкой самостоятельности и самоуправления [6, с. 101-104].

Опираясь на представленную выше общую схему исторической эволюции общественного статуса и функций российского казачества, можно с большей точностью определить статусные и функциональные особенности его дальневосточного варианта. Рассматривая далее дальневосточное казачество, я буду подразумевать под ним казачье население территорий, входящих ныне в состав Дальневосточного федерального округа.

В пределах Дальнего Востока российские казаки впервые появляются в 1630-е гг., в процессе колонизационного движения из европейской части России к берегам Тихого океана. С формальной точки зрения, казаки региона этого периода принадлежали к протосословной группе служилого городского и станичного казачества. Они были подчинены местным воеводам, получая от них за свою службу хлебное и денежное жалование и необходимые в походах «припасы». Вместе с тем, доля служилых людей из центральных областей России среди дальневосточных казаков была невелика. Большую их часть составляли выходцы из государственных крестьян, ссыльные различных сословий, а также потомки проникавших за Урал со времён похода Ермака вольных («воровских») казаков, в первую очередь с Волги и Яика [11, с. 33-36]. Изначальное присутствие в составе дальневосточных казаков вольного компонента, вместе с удалённостью региона, слабостью в нём государственной власти и крайней ограниченностью всех типов её ресурсов, способствовали тому, что местные казачьи общины (ватаги) длительное время фактически соединяли в себе черты, присущие обоим основным разновидностям раннего казачества.

Та же двойственность была свойственна и содержанию функционального взаимодействия дальневосточного казачества с российским обществом (в лице государственной власти). С одной стороны, с точки

¹ Крайним выражением этих взглядов были требования национально-территориального самоопределения казачества.

зрения администрации, главной функцией казаков была реализация военно-политических задач государства: подведение «под государеву руку» новых земель и народов, а также взимание ясака с уже покорённых инородцев. С другой стороны, на практике во многих случаях казачьи общины выполняли значительно более широкий круг как военно-политических, так и экономических, социальных и культурных функций: совершая инициативные походы, осуществляя «сверхплановые» поборы с коренного населения в свою пользу, занимаясь промыслами и торговлей, без ведома властей (а то и прямо вопреки им, «воровским» образом) организуя самоуправление и внутренний быт своих сообществ [11, с. 33, 35; 15, с. 22-30].

В 1720-е гг. казаки Дальнего Востока, вместе со всем российским казачеством, хотя и с некоторым запаздыванием, вступили в следующий период своей истории. В период 1720-х – 1920-х гг. на Дальнем Востоке, как и в других регионах страны, казачество постепенно подвергалось всестороннему огосударствлению. Однако сословный статус казаков региона сохранил и существенные особенности, восходившие к допетровскому времени. Для дальневосточного городского, станичного и линейного (пограничного) казачества по-прежнему были характерны нечёткое и нестабильное законодательное определение прав и обязанностей, подчинение гражданским, прежде всего, местным, властям, высокая децентрализованность и разнородность форм организации и управления. Сохранило региональное казачество и большое разнообразие выполняемых функций. Причём, если для линейных казаков приоритетной всё же являлась пограничная служба, то для городского и станичного казачества, имевшего очень широкий спектр административно-полицейских и экономических видов деятельности, какую-либо основную функцию выделить крайне трудно [11, с. 37-41]. Подобное положение, наряду с систематическим недофинансированием последней категории казаков со стороны государства, вело к её социальной дифференциации и сближению с различными прослойками городского и крестьянского населения.

Некоторому прояснению и упорядочению статуса и функций казачества региона способствовало издание в 1822 г. «Устава о сибирских городских казаках», однако более важным рубежом в его сословной истории стали 1850-е гг. В это время в регионе было создано Амурское казачье войско (АКВ) (1858 г.), ведущее своё происхождение от восточносибирского линейного казачества и образованного на его базе с привлечением государственных крестьян Забайкальского казачьего войска (1851 г.). В свою очередь, ответвлением АКВ в дальнейшем стало Уссурийское казачье войско (УКВ) (1889 г.) [11, с. 40-63]. Появление АКВ и УКВ предполагало приведение статуса и функций подавляющей части дальневосточного казачества к общероссийским сословным стандартам, значительное повышение его социальной обособленности и специализированности. Кроме того, посредством переселения на земли АКВ и УКВ тысяч донцов, терцев и уральцев, этим войскам были привиты этнокультурные традиции старых войсковых обществ. Тем не менее, вплоть до конца данного периода новообразованные дальневосточные казачьи войска были ещё весьма далеки от того уровня субсистемной автономии и специализации на военно-политических функциях, который был характерен для казачества Европейской России. Очень важную роль в образе жизни населения АКВ и УКВ играла деятельность по сельскохозяйственному и промысловому освоению их обширных территорий¹.

¹ До 1880-х гг. казачество было, по сути, главной силой экономического освоения юга российского Дальнего Востока.

В период с 1920-х по конец 1980-х гг. дальневосточное казачество подверглось более интенсивному и глубокому расказачиванию, чем казачьи общности многих других регионов СССР. В данном процессе можно выделить два основных этапа. На первом этапе, начавшемся ещё в годы гражданской войны и продолжавшимся до конца 1920-х гг., расказачивание в регионе представляло собой главным образом стихийный процесс, особая интенсивность которого была обусловлена незавершённостью сословного обособления регионального казачества, большой долей в нём бывших крестьян, сравнительно более тяжёлыми условиями службы и низким уровнем благосостояния дальневосточных казаков. Вместе с тем, в это время казачье население Дальнего Востока понесло определённый урон от политических репрессий и вынужденной эмиграции части его представителей в Китай. На втором этапе, с рубежа 1920-х – 1930-х гг. и до конца предвоенного десятилетия, под действием государственной политики расказачивание приобрело относительно планомерный и форсированный характер. Жители бывших территорий АКВ и УКВ стали объектом ряда массированных репрессивных кампаний, направленных на физическое уничтожение, заключение в лагерь, принудительное переселение или выселение¹ действительных и потенциальных противников советского режима. В совокупности эти кампании нанесли сильный удар по ещё сохранявшим компактность и социальную связность территориальным общностям дальневосточного казачества: в некоторых приграничных районах региона численность населения сократилась в несколько раз [18, с. 56-65]. Возвращение рассеянных по СССР казаков на Дальний Восток в послесталинское время было не способно привести к восстановлению количественных параметров дальневосточного казачества, не говоря уже о системах его социальной организации и расселения.

Период возрождения для дальневосточного казачества начался в 1990 г., когда под влиянием активности казаков европейской части страны жителями Приморского края (в т.ч. потомками казаков УКВ) было образовано и зарегистрировано землячество уссурийских казаков. В первой половине 1990-х гг. подобные организации появились во всех дальневосточных субъектах России. Начиная с 1997 г. часть казачьих организаций Дальнего Востока получили свидетельства о своём включении в Государственный реестр казачьих обществ РФ [2, с. 20-23; 14, с. 89-92; 18, с. 70-92]. В рамках процесса включения в реестр была осуществлена не только определённая правовая и институциональная унификация казачьих объединений и их деятельности, но и постановка их под контроль такого координирующего федерального органа как Главное управление казачьих войск при Президенте РФ. Со второй половины 2000-х гг., в контексте общих изменений в казачьей политике Москвы, огосударствление дальневосточного казачества получило значительно больший размах. Важнейшим шагом в дальнейшей регламентации и унификации некогда стихийного движения, централизации управления им стало создание в 2010 г. Уссурийского войскового казачьего общества (УВКО), объединившего региональные казачьи общества восьми субъектов ДФО [1; 16; 17].

Таким образом, к середине второго десятилетия XXI в. результаты процесса возрождения казачества (по крайней мере, в их формальном аспекте²) выглядят на российском Дальнем Востоке достаточно внушительно. В регионе на сегодня существует (наряду со многими обществен-

¹ Депортации и выселения производились, как правило, за пределы Дальнего Востока, в Сибирь, Казахстан и Европейскую Россию.

² Я не рассматриваю здесь сложный и, конечно, заслуживающий специального изучения вопрос о продолжающейся политической борьбе внутри УВКО.

ными казачьими объединениями) единая, централизованная и сравнительно многочисленная¹ реестровая казачья организация, встроенная в вертикаль исполнительной власти РФ. За УВКО закреплён широкий перечень видов государственной службы (военной, пограничной, административной, правоохранительной), исполнение которой должно обеспечиваться государственным финансированием. В основе структуры и функционирования УВКО лежит целый комплекс федеральных правовых и политических актов [4; 12; 19], а также базирующихся на них законов субъектов федерации.

Однако правовая и институциональная определённости места дальневосточного казачества в современном российском государстве и обществе является скорее кажущейся. Реальная жизнь дальневосточного казачества пронизана фундаментальными противоречиями, причём противоречия общероссийского значения усугубляются в ней специфическими региональными проблемами. Одно из главных противоречий состоит в том, что номинально единое дальневосточное казачество на деле не представляет собой обособленной от других компонентов общества социальной (субсистемной) целостности. Эта проблема имела место и в досоветский период, но сейчас её острота ещё более возросла. 5 тысяч членов УВКО разбросаны по огромной территории региона, и проживают в большинстве своём в крупных и средних городах на значительном удалении от государственной границы. Городской образ жизни и профессиональные занятия современных казаков имеют очень мало общего с традиционной казачьей культурой, при том, что далеко не все члены УВКО являются казаками по происхождению. Территориальная и социокультурная раздробленность казачества может отчасти компенсироваться (как это было в прошлом) правовыми и организационными механизмами. Однако формальный статус дальневосточного (как и всего российского) казачества характеризуется нестабильностью и двойственностью: с точки зрения, как управления, так и финансирования УВКО является своего рода полугосударственной, полуобщественной структурой. Кроме того, сохраняется разделение дальневосточного казачества на реестровое и нереестровое, взаимоотношения которых напряжены.

Другое фундаментальное противоречие заключается в том, что привлечение дальневосточного казачества к государственной службе по существу лишь маскирует отсутствие у него какой-либо основной и специфической общественной функции. Все направления государственной службы, предлагаемые казачеству, требуют от исполнителей наличия соответствующего образования и профессиональной квалификации, а также особых форм формальной и неформальной организации деятельности. Все они уже закреплены за определёнными специализированными государственными институтами. В этих условиях представители казачества могут либо проходить различную службу на общих основаниях, либо быть некой вспомогательной силой, содействующей работе государственных ведомств на непрофессиональной и нерегулярной основе. В последнем случае, подобное содействие может осуществляться в форме такого предусмотренного российским законодательством института как добровольные народные дружины. Так или иначе, в отсутствие крупной и специфической государственной задачи, существование такой громоздкой, централизованной и бюрократизированной, а значит неизбежно требующей значительного бюджетного финансирования, структуры как УВКО представляется мало обоснованным. Видимо, осознавая возможный при этом институциональном сценарии возрождения казачества масштаб роста государственных расходов, разработчики федеральной

¹ По данным на начало 2011 г. численность членов УВКО составляла 5261 человек [16].

политики в данной области планируют принять меры по развитию собственной экономической базы казачьих обществ [8; 12]. Однако, принципиально не решая проблему государственной службы казачества, эти меры могут вновь поставить казаков в сходную с дореволюционной ситуацией функционального конфликта, необходимости выбора между трудно совместимыми друг с другом приоритетами военно-политической и экономической деятельности.

Преодолению названных противоречий (на региональном, и на общероссийском уровне), на мой взгляд, мог бы способствовать отказ от попыток огосударствления казачества, его прямого инкорпорирования в систему государственных организаций в качестве некоего «квазисоциума». Достаточная целостность, социальная сплочённость казачества и даже сохранение, по крайней мере, некоторых, ещё не вполне утраченных элементов его традиционной культуры могут быть обеспечены только при условии самостоятельности и инициативности, общественного характера казачьего движения. Отключение казачества от административных рычагов и бюджетных потоков неизбежно приведёт к численному сжатию этой общности, но, вместе с тем, и к укреплению её самосознания, прояснению действительных ценностей и мотивации её представителей. В результате казачество ещё сможет состояться как жизнеспособная подсистема российского общества, существующая, прежде всего, благодаря заинтересованности самих казаков, а не внешним бюрократическим «подпоркам».

Достижение целостности, самоидентифицированности казачества как социальной общности невозможно без специализации его общественных функций. Этот процесс предполагает не искусственное ограничение видов деятельности казачества каким-либо одним, но ранжирование этих видов с точки зрения их значимости для российского общества и самих казаков. Представляется, что среди всего спектра функций, так или иначе выполняемых современным казачеством, наиболее объективно востребованной и перспективной для вмещающей общественной системы является деятельность по экономическому (в особенности аграрному) освоению и развитию приграничных территорий.

Длительные милитаризованность и закрытость превратили значительную часть территорий вдоль российских границ в социально-экономические «пустоши»¹, препятствующие развитию приграничного сотрудничества и, в то же время, создающие благоприятную среду для умножения разного рода трансграничных угроз. Исторически и этнокультурно связанное с ландшафтами пограничий, адаптированное к ним своими хозяйственными традициями, идентифицирующее себя с ними как с малой родиной, казачество, как ни одна другая группа российского общества, подходит для решения задачи их реколонизации. При целенаправленном правовом и финансовом содействии государства это культурное преимущество казаков можно было бы соединить с современными организационными формами и технологиями сельского хозяйства, создав на приграничных территориях сеть поселковых и хуторских поселений, а также мелких и средних частных и коллективных сельхозпредприятий. Появление крепких, самокупаемых и самоуправляемых, казачьих муниципалитетов позволило бы казачеству взять на себя целый ряд дополнительных, вторичных общественных функций (социальных, культурных, погранохранных, правоохранительных и т.д.), в объёме и формах, отвечающих его собственным потребностям и возможностям.

¹ Эта проблема особенно характерна для азиатской части России.

Литература

1. Атаманы Уссурийского войскового казачьего общества провели заседание в Хабаровске [Электронный ресурс] // AmurMedia.ru. [сайт]. URL: <http://amurmedia.ru/news/khabarovsk/08.08.2014/377524/atamani-ussuriyskogo-voyskovogo-kazachego-obschestva-proveli-zasedanie-v-habarovsk.html> (дата обращения: 1.05.2015 г.)
2. Ермак Г.Г., Кабанов Н.А. Уссурийское казачество: проблемы этносоциального статуса и государственной службы // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Сб. науч. ст. Вып.2. Хабаровск: ИИАЭ ДВО РАН, ХКМ им. Гродекова, 2009. С. 14-29.
3. Закон Приморского края от 30 апреля 2015 г. № 605-КЗ «О развитии Российского казачества в Приморском крае» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. РУ: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/primor/624149/> (дата обращения: 5.05.2015 г.)
4. Концепция государственной политики РФ в отношении российского казачества (от 2 июля 2008 г.) [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17&Itemid=8&lang=ru (дата обращения: 15. 04.2015 г.)
5. Кутузов М.А. Возрождение казачества: от ролевой игры к государственной функции // Экономические стратегии. 2006. №7. С. 48-53.
6. Маркедонов С.М. Возрождение казачества и государство // Политические исследования. 1998. № 2. С. 101-104.
7. Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя (история политических отношений) // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 103-111.
8. Методические рекомендации по становлению и развитию экономической базы казачьих обществ. [Электронный ресурс] // Казачий информационно-аналитический центр: [сайт]. URL: <http://kazak-center.ru/load/0-0-0-235-20> (дата обращения: 16. 04.2015 г.)
9. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин и др. М.: «Большая российская энциклопедия», 1996. Т. 2. 656 с.
10. Пограничная служба России: Энциклопедия. / Под общ. ред. В.Е. Проничева. М.: Кучково поле, 2009. 624 с.
11. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.
12. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года (утв. Президентом РФ от 15 сентября 2012 г. № Пр-2789) [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://www.kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=373&Itemid=32 (дата обращения: 15.04.2015 г.)
13. Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность // Социально-политический журнал. 1994. № 3 – 6. С. 214-217.
14. Титлина Е.Ю. О некоторых проблемах возрождения казачества Приамурья // Государственная служба российского казачества: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: ППККГС, 1998. С. 89-92.
15. Тураев В.А. Аборигены и казаки: особенности взаимоотношений (XVII – XVIII вв.) // Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Сб. науч. ст. Вып.3. Хабаровск: ИИАЭ ДВО РАН, ХКМ им. Гродекова, 2011. С. 19-31.
16. Уссурийское войсковое казачье общество – Историческая справка [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://www.kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=159%3Aussurijskoe-vojskovoe-kazache-obshhestvo-istoricheskaya-spravka&catid=51%3Aussurijskoe-vojskovoe-kazache-obshhestvo&Itemid=19 (дата обращения: 15.04.2015 г.)

17. Уссурийское казачье войско: [сайт]. URL: // kazaki-ukv.ru (дата обращения: 16.09.2011 г.)

18. Уссурийское казачье войско: история и современность. / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 120 с.

19. ФЗ № 154-ФЗ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества» [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=57%3Afederalnyj-zakon-rossijskoj-federaczii-ot-5-dekabrya-2005-g-n-154-fz&catid=6%3Azakony&Itemid=18&lang=ru (дата обращения: 15.04.2015 г.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Atamany Ussurijskogo vojskovogo kazach'ego obshhestva proveli zasedanie v Khabarovske [Электронный ресурс] // AmurMedia.ru. [сайт]. URL: <http://amurmedia.ru/news/khabarovsk/08.08.2014/377524/atamani-ussurijskogo-vojskovogo-kazachego-obschestva-proveli-zasedanie-v-habarovsk.html> (дата обращения: 1.05.2015 г.)

2. Ermak G.G., Kabanov N.A. Ussurijskoe kazachestvo: problemy ehntosotsial'nogo statusa i gosudarstvennoj sluzhby // Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII – XXI vv. Sb. nauch. st. Vyp.2. Khabarovsk: ИАЭН ДВО РАН, КХКМ им. Гродекова, 2009. С. 14-29.

3. Закон Приморского края от 30 апреля 2015 г. № 605-KZ «О развитии Российского казачества в Приморском крае» [Электронный ресурс] // GARANT.RU: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/primor/624149/> (дата обращения: 5.05.2015 г.)

4. Kontseptsiya gosudarstvennoj politiki RF v otnoshenii rossijskogo kazachestva (ot 2 iyulya 2008 g.) [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17&Itemid=8&lang=ru (дата обращения: 15. 04.2015 г.)

5. Kutuzov M.A. Vozrozhdenie kazachestva: ot rolevoj igry k gosudarstvennoj funktsii // Экономические стратегии. 2006. №7. С. 48-53.

6. Markedonov S.M. Vozrozhdenie kazachestva i gosudarstvo // Politicheskie issledovaniya. 1998. № 2. С. 101-104.

7. Markedonov S.M. Donskoe kazachestvo i Rossijskaya imperiya (istoriya politicheskikh otnoshenij) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 1. С. 103-111.

8. Metodicheskie rekomendatsii po stanovleniyu i razvitiyu ehkonomicheskoy bazy kazach'ikh obshhestv. [Электронный ресурс] // Kazachij informatsionno-analiticheskij tsentr: [сайт]. URL: <http://kazak-center.ru/load/0-0-0-235-20> (дата обращения: 16. 04.2015 г.)

9. Otechestvennaya istoriya: ehntsiklopediya: V 5 t. / Redkol.: V.L. YAnin i dr. M.: «Bol'shaya rossijskaya ehntsiklopediya», 1996. Т. 2. 656 с.

10. Pogranchnaya sluzhba Rossii: Энциклопедия. / Pod obshh. red. V.E. Pronicheva. M.: Kuchkovo pole, 2009. 624 с.

11. Sergeev O.I. Kazachestvo na rusском Dal'nem Vostoke v XVII – XIX vv. M.: Nauka, 1983. 127 с.

12. Strategiya razvitiya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v otnoshenii rossijskogo kazachestva do 2020 goda (utv. Prezidentom RF ot 15 sentyabrya 2012 g. № Pr-2789) [Электронный ресурс] // Российское казачество: [сайт]. URL: http://www.kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=373&Itemid=32 (дата обращения: 15.04.2015 г.)

13. Tikidzh'yan R.G. Kazachestvo Rossii: istoriya i sovremennost' // Sotsial'no-politicheskij zhurnal. 1994. № 3 – 6. С. 214-217.

14. Titlina E.YU. O nekotorykh problemakh vozrozhdeniya kazachestva Priamur'ya // Gosudarstvennaya sluzhba rossijskogo kazachestva: Sb. materialov

Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. Vladivostok: PPKKGS, 1998. S. 89-92.

15. Turaev V.A. Aborigeny i kazaki: osobennosti vzaimootnoshenij (XVII – XVIII vv.) // Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII – XXI vv. Sb. nauch. st. Vyp.3. Khabarovsk: IIAEH DVO RAN, KHKM im. Grodekova, 2011. S. 19-31.

16. Ussurijskoe vojskovoe kazach'e obshhestvo – Istoricheskaya spravka [EHlektronnyj resurs] // Rossijskoekazachestvo: [sajt]. URL: http://www.kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=159%3Aussurijskoe-vojskovoe-kazache-obshhestvo-istoricheskaya-spravka&catid=51%3Aussurijskoe-vojskovoe-kazache-obshhestvo&Itemid=19 (data obrashheniya: 15.04.2015 g.)

17. Ussurijskoe kazach'e vojsko: [sajt]. URL: [//kazaki-ukv.ru](http://kazaki-ukv.ru) (data obrashheniya: 16.09.2011 g.)

18. Ussurijskoe kazach'e vojsko: istoriya i sovremennost'. / Sost.: V.D. Ivanov, O.I. Sergeev. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 1999. 120 s.

19. FZ № 154-FZ ot 5 dekabrya 2005 g. «O gosudarstvennoj sluzhbe rossijskogo kazachestva» [EHlektronnyj resurs] // Rossijskoe kazachestvo: [sajt]. URL: http://kazakirossii.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=57%3Aafederalnyj-zakon-rossijskoj-federacii-ot-5-dekabrya-2005-g-n-154-fz&catid=6%3Azakony&Itemid=18&lang=ru (data obrashheniya: 15.04.2015 g.)